

0- 755459

На правах рукописи

Парилов Олег Викторович

**КОНСЕРВАТИВНАЯ ФОРМА РУССКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ:
СТАНОВЛЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ**

Специальность 09.00.13 – религиоведение,
философская антропология, философия культуры

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук

Н. Новгород – 2006

Диссертация выполнена на кафедре философии Нижегородского государственного педагогического университета

Научный консультант – доктор философских наук,
профессор, Заслуженный деятель науки РФ
Л.Е. Шапошников.

Официальные оппоненты: доктор философских наук,
профессор М.А. Маслин;

доктор философских наук,
профессор В.А. Кутырев;

доктор философских наук,
профессор С.А. Ермаков.

Ведущая организация – Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Защита состоится 30 марта 2006 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета по философским наукам Д 212.164.03 в ГОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический университет» по адресу: 603950, Н. Новгород, ул. Ульянова, д. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический университет»

Автореферат разослан 25 февраля 2006 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук,
доцент

И.А. Федотова

И.А. Федотова

1. Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Существенной тенденцией современной жизни общемирового социума является нарастание противоречий между цивилизациями. В этих непростых условиях сохранение и развитие национального самосознания – это необходимый фундамент сохранения национальной идентичности. Еще в первой половине XX в. русский философ Г.П. Федотов пророчески уловил черты нарождающейся новой цивилизации: кризис «национального духа» и, как следствие, национальное усреднение, торжество массовой культуры. В XXI веке эти тревожные тенденции приобрели общепланетарные масштабы, оформились в концепцию глобализма, основные черты которой – нивелирование национальных особенностей, ценностей и традиций, нравственный нигилизм, космополитическая тактика всесмещения человечества на основе меркантильных, потребительских интересов. Стремление Запада утвердить свои ценности как универсальные вызывает противодействие остального мира, «в противовес западному культурному империализму усиливаются фундаменталистские течения в других цивилизациях, подчеркивающие непреходящие ценности великих самобытных культур... Центральной осью мировой политики будущего, видимо, будет конфликт между Западом и остальным миром»¹. То есть речь, по сути, идет о дальнейшем существовании человечества. Сохранение русского национального самосознания – это путь мирного противодействия глобализму, ибо существенным аспектом русского национального самосознания выступает идея солидаризации народов на основе духовности, признания ценности каждой самобытной культуры.

Актуальность исследования обусловлена и тем, что на сегодняшний день целостный культурфилософский анализ феномена русского национального самосознания не предпринимался. Данный анализ чрезвычайно важен, ибо предполагает, с одной стороны, выявление общих тенденций в развитии мирового социума; с другой стороны, – получение ответа на коренной вопрос: насколько возможно сохранение национального своеобразия, национальных ценностей, традиций на современном этапе развития российского социума.

Русское национальное самосознание – чрезвычайно сложный многоаспектный феномен, включающий в себя культурологический, психологический, мировоззренческий, социологический аспекты. В силу своей многогранности, оно выступает предметом рассмотрения различных наук: социальной психологии, истории, культурологии, этнологии, политологии и других. С позиции философии культуры, национальное самосознание, в обобщенном виде, предстает как осознание коренных духовных начал отечественной культуры, единого исторического прошлого своего народа; выработка четкого представления о специфике отечественной культуры, национального характера; ощущение собственной принадлежности к Российскому государству и осознание его отличий от иных государственных образований. Наконец, одна из наиболее существенных сторон национального самосознания – это проблема особого призвания русского народа в мировой истории. Русское национальное самосознание включает в се-

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. – 1994. – № 1. – С. 48.

бя познавательный, эмоционально-ценностный и регулятивный компоненты.

Основой, культурфилософским стержнем русского национального самосознания выступает русская национальная идея, трактуемая, в целом, как основанный на уникальном национальном менталитете, национальных ценностях самобытный путь развития России. Некоторые современные исследователи полагают, что на рубеже XX – XXI веков заявления об особом призвании России неактуальны. Так, Д.С. Лихачев уверен, что общенациональная идея в качестве панацеи от всех бед – «крайне опасная глупость». В своей книге «Раздумья о России» он беспелепационно заявляет: «Никакой особой миссии у России нет и не было!» (хотя в этой же работе, но чуть ранее, пишет: «У каждой культуры и у каждого культурного народа есть своя миссия в истории, своя идея»²).

Мы убеждены, что русская национальная идея – не миф и не химера, более того, как ядро русского национального самосознания, основа сохранения национального своеобразия российского социума в настоящем и будущем, она жизненно необходима. Абсолютно верно пишет В.М. Межуев: «Идея... – не то, что можно выдумать, изобрести, навязать сверху в качестве «панацеи от всех бед» или, наоборот, отбросить за ненадобностью. Она существует безотносительно к любым пожеланиям или протестам как выражение определенной *культурной преемственности* (выделено авт. – О.П.) в духовной истории народа... Отказ от нее равносителен отказу от самих себя». Без национальной идеи «Россия – всего лишь бессодержательное, пустое пространство, открытое любому экспериментированию над собой»³.

Национальная идея предполагает, с одной стороны, восприятие своей культуры как особенной, неповторимой, с другой стороны, – как один из моментов общемировой культуры. Таким образом, она (благодаря способности выходить за рамки собственной национальности) сдерживает нездоровые тенденции трактовать ценности своей культуры как универсальные и пытаться навязать их другим народам.

Будучи фундаментом национального самосознания, основой национального своеобразия, русская идея интегрирует систему ценностей, сплачивает нацию. Одна из тревожных тенденций современного бытия – атомизация российского общества; дух индивидуализма все более укореняется на постсоветском пространстве, что грозит распадом общества. Развитие русского национального самосознания, русской идеи послужит единению нации на основе осознания принадлежности к единому культурному ареалу, на основе усвоения имманентных русской культуре ценностей и святынь, а значит, послужит заслоном обозначенным деструктивным тенденциям.

Мы полагаем чрезвычайно актуальным прояснение русского национального самосознания через исследование конкретных идей ключевых представителей русского консерватизма. Данные идеи позволяют связать воедино прошлое и настоящее, скорректировать русское национальное самосознание на современном этапе. Сам по себе органический консерватизм содержит большие потен-

² Лихачев Д.С. Раздумья о России. – СПб., 1999. – С. 46, 31.

³ Межуев В.М. О национальной идее // Вопросы философии. – 1997. – № 12. – С. 8-9.

ции для возрождения и развития национального самосознания. Консерватизм обладает значительным духовно-нравственным потенциалом, его отличает стремление к стабильности бытия. Укорененный в глубинные пласты национальных культур, он связывает в единое органическое целое прошлое, настоящее и будущее. Принципиальная позиция консерватизма такова, что общество – не механизм, который можно настраивать по различным искусственно создаваемым моделям, но целостный организм, развивающийся естественно, в опоре на многовековой национальный опыт. Консерватизм сдерживает негативные тенденции отрыва от духовных истоков, противодействует порочной тактике всякий раз «переписывать» историю заново. Серьезная проблема, с которой сталкиваются практически все общества, особенно в эпохи кардинальных преобразований, – это конфликт между устоявшимися формами жизни и модернизационными процессами, между традицией и новацией, старым и новым. Перекос в ту или иную сторону чреват разрушением общества. Так, дискредитация традиции и абсолютизация новаций ведет к отрыву от коренных общественных устоев и, как следствие, – разрушению жизненного уклада, материальной и духовной культуры. И наоборот, абсолютизация традиции и отрицание новаций влечет общественный застой, а, следовательно, деградацию нации. Развитие русского национального самосознания, русской идеи на основе органического консерватизма, утверждающего необходимость модернизационных процессов, но – в опоре на ценностный фундамент традиции, послужит преодолению болезненного конфликта между старым и новым.

Выбор течений отечественного консерватизма, явившихся объектом исследования в данной работе, отнюдь не случаен. Эти течения, во-первых, очень яркие, самобытны. Во-вторых, в творчестве представителей данных направлений и в их характерах, полагаем, очень рельефно проявились специфические черты русского национального менталитета, хотя и, зачастую, неоднозначно. В-третьих, – и это главное – их концепции рождаются на разных этапах развития русской культуры. Филофей – яркий представитель средневековой Руси. Старообрядчество, зарождаясь на стыке эпох, при переходе от средневековой православной культуры к рационалистической культуре Нового времени, воплотило черты обоих этих глубинных пластов. Поэтому оно многогранно, сложно, интересно. Славянофилы проявили себя как консервативные мыслители Нового времени. Творчество Н. Данилевского, К. Леонтьева приходится на переломный этап мировой истории, характеризующийся кризисными явлениями в западной культуре, социальными потрясениями в России (крушение монархии, повлекшее очередной кардинальный перелом в органическом развитии страны). Наконец, евразийство явилось выразителем национального самосознания, русской идеи применительно к советскому этапу развития России.

При этом следует уточнить, что консерватизм как определенное направление отечественной мысли, начинает формироваться в России только в XVIII столетии. В творчестве же исследуемых средневековых русских авторов (Филофея, ранних старообрядцев) проявились важные черты консервативного мирозерцания, такие как русоцентричность, опора на самобытные духовные начала, государственность. Филофей важен, поскольку его концепция «Москва –

третий Рим» стала предметом бурного обсуждения в XIX в. и явилась «знаменем» консервативной мысли. Основные течения русского консерватизма XIX – XX вв. унаследовали и по-своему интерпретировали ключевую идею псково-печерского старца: высшее призвание России в мировой истории – хранение и утверждение православия. Исходя из сказанного, мы, полагаем, вправе считать Филофея предтечей русского консерватизма.

Безусловно, представленная работа не претендует на роль «единственно верной» трактовки национального самосознания, русской идеи, это авторский взгляд, но – выработанный в опоре на объективные факты отечественной истории, закономерности развития русской культуры, русской мысли, и в данном качестве может послужить этапом прояснения национального самосознания, русской идеи.

Степень научной разработанности темы. Проблема национального самосознания, русской идеи – одна из ключевых в отечественной философии. Впервые русское национальное самосознание, русская идея получили четкое выражение в XVI веке: в концепции «Москва – третий Рим» старца Филофея звучит мысль об особом – мессианском – призвании русского народа во вселенском масштабе. Хотя истоки национального самосознания, русской идеи, по верному утверждению М.А. Маслина, восходят еще к XI веку. Знаменитое «Слово о законе и благодати» митрополита киевского Иллариона, написанное в яркой художественной форме, прославляет Русскую землю, принявшую крещение и влившуюся в семью христианских народов⁴.

В XIX столетии русская идея, как ядро национального самосознания, оформляется в качестве уникальной философской проблемы. Именно тогда о ней впервые заговорили. Важной вехой в развитии национального самосознания, русской идеи стали «Философические письма» П.Я. Чаадаева и его «Апология сумасшедшего». Мыслитель подверг Россию убийственной критике, но и выразил надежду на ее великое будущее, при условии, что она пойдет по европейскому пути развития. Именно «Философические письма» стимулировали интенсивные поиски русскими мыслителями места России в мировой истории, в результате чего оформились два принципиально различных направления – западников и славянофилов. Спор между ними не утихал на протяжении XIX и XX столетий и перешел в XXI век.

Важнейший этап в развитии русского национального самосознания связан с именем Вл. Соловьева. В его знаменитом докладе «Русская идея», прочитанном в Париже в 1888 г., в работе «Россия и Вселенская Церковь» (1889 г.) русская идея получает концептуальное обоснование. Творчество Вл. Соловьева стало важным импульсом для дальнейшего развития национального самосознания, русской идеи в начале XX в. в трудах множества ведущих отечественных философов русского культурного ренессанса. А в 1946 г. выходит в свет фундаментальный труд Н.А. Бердяева «Русская идея», где проблемы особого пути России, специфики русского менталитета, национального самосознания получили всестороннее многоаспектное освещение.

⁴ См.: Маслин М.А. «Велико незнание России...» // Русская идея. – М., 1992. – С. 7.

В целом, тема русского национального самосознания, русской идеи была актуальна для подавляющего большинства наиболее известных русских мыслителей XIX – XX вв. Свидетельством тому служат вышедшие не так давно сборники под названием «Русская идея»⁵, в которых представлены взгляды на судьбу России, ее место в истории: старца Филофея, Н.М. Карамзина, П.Я. Чаадаева, А.С. Пушкина, А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, К.Н. Леонтьева, Н.И. Кареева, Вл.С. Соловьева, Е.Н. Трубецкого, В.В. Розанова, Н.А. Бердяева, Л.П. Карсавина, П.Н. Савицкого, С.Л. Франка, С.Н. Булгакова, И.А. Ильина, А.Ф. Лосева и других.

Рубеж XX – XXI веков демонстрирует всплеск интереса к проблеме национального самосознания, происходит «новое рождение» темы русской национальной идеи, появилось множество монографических работ: В.И. Гидиринского, А.В. Гулыги, В.В. Кожина, С.Н. Кочерова, Д.С. Лихачева, А.С. Панарина, О.А. Платонова, В.Н. Сагатовского, Е.С. Троицкого, А.И. Уткина, Л.Е. Шапошниковой, Ф.Я. Шипунова. Спектр суждений в данном контексте чрезвычайно широк: от неоправданной идеализации русского народа, прошлого, настоящего и будущего России до их откровенного очернительства⁶. Подобный разброс мнений свидетельствует о непроясненности русского национального самосознания, русской идеи. Следует согласиться с М.А. Маслинным, что «нынешнее «незнание России» достигло у нас небывалых ранее размеров»⁷.

Проблема в том, что одни авторы выступают защитниками национальных устоев, традиций, другие настроены на их ниспровержение. В соответствии с этим в отечественной философии, в контексте исследования русского национального самосознания, русской идеи, прослеживаются три магистральных направления.

Первое направление можно обозначить как национальный нигилизм, представителями которого являются: П.Я. Чаадаев (его «Философические письма»), поздний Вл. С. Соловьев, пожертвовавший национальным началом в пользу абстрактного вселенского единства, а в наши дни – историк А.Л. Янов, отождествивший возрождение и развитие национального самосознания с проявлением национального самомнения⁸.

Направление, диаметрально противоположное рассмотренному, – патриотизм, проявляемый, в свою очередь, в различных формах: просвещенный (старец Филофей, славянофилы); тяготеющий к изоляционизму, провинциальности (старообрядцы, Н. Данилевский, К. Леонтьев).

В третьем направлении – эклектизме – частично представлены черты пер-

⁵ *Русская идея*. – М., 1992; *Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей*. – М., 2002.

⁶ Ярким примером последнего служат следующие сочинения: *Гореликов Л.А., Лисицина Т.А. Русский путь. Опыт этнолингвистической философии*. Ч. 3. Судный час русской идеи. – Новгород, 1999; *Янов А.Л. Россия против России. Очерки истории русского национализма 1825–1921*. – Новосибирск, 1999.

⁷ *Маслин М.А. «Велико неведение России...» // Русская идея*. – С. 6.

⁸ См.: *Янов А.Л. Россия против России. Очерки истории русского национализма 1825–1921*. – Новосибирск, 1999.

вых двух направлений. Так, Вл. С. Соловьев в ранний период творчества, с одной стороны, выступил защитником православия, критиковал западное христианство (и в этом выступил как продолжатель славянофильства); но с другой стороны, был более критичен (чем славянофилы) к допетровской России, к органичным русской культуре социальным институтам (общине).

Рассмотренные направления – это лишь основные тенденции, схема, обобщающая богатую палитру взглядов русских мыслителей на сущность России и ее путь в истории.

Таким образом, русская идея как культурфилософский феномен, стержень русского национального самосознания, является уникальным духовным достоянием отечественной философской мысли и, несмотря на многочисленные исследования, нуждается в дальнейшем осмыслении.

Цель и задачи исследования. Цель нашего исследования заключается в прояснении уникального философского феномена «русская идея», как ядра русского национального самосознания, и выявлении динамики русского национального самосознания в ключевых направлениях отечественной консервативной мысли. Данная цель предполагает решение следующих задач:

– прояснить сущность отечественного консервативного мировоззрения, выявить его специфические черты;

– определить категориальный статус русской национальной идеи;

– исследовать русскую национальную идею в ее ключевых аспектах;

– выявить сущностные черты русского менталитета, как фундамента реализации русского национального самосознания;

– определить точку зрения консервативных мыслителей на идеологов и носителей русского национального самосознания, на субъект реализации русской идеи;

– выявить динамику развития русского национального самосознания, русской идеи в важнейших течениях отечественной мысли консервативной ориентации – концепции «Москва – третий Рим» старца Филофея, старообрядчестве, славянофильстве, консервативной мысли 2-й половины XIX века, евразийстве (XX век);

– определить основные тенденции развития русского национального самосознания, русской идеи в отечественной консервативной мысли;

– выявить социально-исторические и мировоззренческие детерминанты трансформаций русского национального самосознания в отечественной консервативной мысли.

Объект исследования – основные направления русского консерватизма в культурфилософском аспекте.

Предмет исследования – развитие русского национального самосознания, русской идеи в отечественном консерватизме.

Теоретическая и методологическая база исследования. Теоретической основой исследования является цивилизационный подход к истории, а также утверждение диалектических связей, как объективных условий развития социумов. Методологическую базу исследования составила совокупность следующих методов: сравнительно-исторического, единства исторического и ло-

гического, анализа, синтеза, абстрагирования, обобщения, индукции, аналогии.

Источниковую базу работы составили: труды классиков отечественной и мировой философии, посвященные исследованию категории «идея»; работы, рассматривающие тему русского национального самосознания, русской идеи; произведения отечественных консервативных мыслителей, разнообразная критическая литература.

Новизна диссертационного исследования состоит в следующих обобщающих положениях.

Данное исследование – одна из первых работ, в которой осуществлен систематизированный культурфилософский анализ ключевого философского феномена «русская идея», являющегося стержнем русского национального самосознания.

Прояснен категориальный статус русской идеи (данный феномен рассмотрен как один из аспектов содержательно более широкой категории – «идея»).

Выявлены и исследованы наиболее существенные аспекты русского национального самосознания (провиденциальный, исторический, культурологический); прослежены внутренние структурные связи между данными аспектами.

Выявлены существенные особенности русского национального менталитета, как субстанциональной основы русского национального самосознания, русской идеи.

Исследованы проявление русского национального самосознания, реализация русской идеи в ключевых течениях отечественной консервативной мысли; выявлены основные тенденции развития национального самосознания, русской идеи в данных направлениях.

Определены исторические, мировоззренческие детерминанты эволюции русского национального самосознания, русской идеи в отечественном консерватизме.

Положения, выносимые на защиту.

1. Отношение к обществу как к естественно развивающемуся организму, опора на базисные ценности, акцент на устойчивости бытия, ориентация на соборные, народные начала, этатизм, тенденция к сакрализации эмпирии – таковы черты органического консерватизма. Особенности русского консерватизма – духовный акцент, русоцентричность, соотнесенность с темой «Россия – Запад».

2. Фундаментом, культурфилософским стержнем русского национального самосознания выступает русская идея, в обобщенном виде, – основанный на уникальном национальном менталитете, национальных ценностях самобытный путь развития России. Русская идея есть духовная субстанция, объединяющая носителей русской ментальности; идеал, цель бытия нации. В отличие от национализма, сосредоточенного на национальных интересах, национальная идея – это логос, адресованный нацией всему человечеству, ее всемирное призвание, прочитываемое также и в метаисторическом контексте.

3. Специфический менталитет является фундаментом русского национального самосознания, реализации русской идеи. Русский менталитет – это обусловленная длительным воздействием культурных, природно-географических, исторических, экономических факторов духовная сущность русской нации,

включающая: историческую память, склад ума, психические и моральные установки, верования, ценности, идеалы и идеи (в т.ч. идею вселенского призвания России). Триада основа русского менталитета – православная духовность, государственность, соборное мировосприятие.

4. Русское национальное самосознание, русская идея реализуются в различных взаимосвязанных аспектах, ключевыми из которых являются: провиденциальный, исторический, культурологический.

5. Провиденциальный аспект – это философское осмысление христианского принципа провиденциализма как взаимной направленности человеческой и Божественной Воли и трактовка на этой основе высшего призвания России – активное сотворчество с Абсолютом с целью духовного преображения ойкумены, реализация Царства Божия. Данный аспект получил развитие в славянофильском учении о соборности, затем, – в концепциях Всеединства, Богочеловечества, софийности.

6. Развитие провиденциального аспекта русского национального самосознания, русской идеи в отечественном консерватизме отличается цикличностью, в контексте диалектического закона отрицания отрицания. Филофей, несмотря на ощущение близкого апокалипсиса, утверждает развитие истории, Церкви, на основе творческой активности человека. Старообрядцы, в контексте мрачной апокалиптики, эсхатологии, постулируют остановку развития Церкви, истории; в их мировоззрении присутствуют элементы фатализма (в более позднем старообрядчестве данные тенденции несколько снижаются). Славянофилы утверждают эсхатологию будущего, им присущ акцент на развитии истории, Церкви. В консервативной мысли 2-й половины XIX в. обнаруживается мрачная апокалиптика, идея крушения мира и воцарения антихриста (К. Леонтьев), абсолютизация Божественного начала и принижение воли индивида. Евразийцы в XX веке вновь выступают апологетами позитивного развития социума, отводят большую роль свободной воле индивида в истории.

7. Русское национальное самосознание, русская идея в историческом аспекте преимущественно проявляются как актуализация русским народом духа соборности в эмпирии, как свободное творчество с целью соборного единения человеческих сообществ (в идеале – всего мирового сообщества). В евангельском контексте указанное сверхзадание мыслится как адаптация вечных Божественных заповедей к жизни социума. Основа реализации этого сверхзадания – любовь, духовность, согласование собственной воли с Волей Абсолюта.

8. В целом, очевидна цикличность и в развитии исторического аспекта русского национального самосознания, русской идеи в русском консерватизме, в соответствии с диалектическим законом отрицания отрицания. Вселенская отзывчивость концепции Филофея сменяется изоляционизмом старообрядчества, русская идея вырождается в национализм. Затем, в эпоху Нового времени в славянофильстве призвание России мыслится во вселенском масштабе; творчество мыслителей 2-й половины XIX в. вновь знаменует некоторое принижение всемирного характера национального самосознания, русской идеи, националистические тенденции. Наконец, в XX в. в евразийстве русское национальное самосознание, русская идея вновь обретают вселенский смысл.

9. Культурологический аспект русского национального самосознания, русской идеи раскрывается в интерпретации авторами духовных основ русской и иных культур, принципов взаимодействия данных культур (здесь очевидна связь с историческим аспектом). В данном контексте, актуальны эстетические воззрения авторов. Представителям русского консерватизма присуще, преимущественно, духовно-эстетическое мировосприятие.

10. В самом общем виде, в развитии консервативной формы русского национального самосознания, русской идеи проявился триадический принцип: «тезис – антитезис – синтез». *Тезис*: акцент на всемирной, мессианской роли России (старец Филофей, славянофилы). *Антитезис*: трактовка России преимущественно как локальной цивилизации; представление о ее уникальности сочетается с изоляционистскими тенденциями (старообрядцы, консервативные мыслители 2-й половины XIX в. Н. Данилевский и К. Леонтьев). *Синтез*: идея всемирного призвания России, необходимости интеграции с иными культурами сочетается с идеей самоценности локальных культурно-исторических типов, трактовкой России как уникальной евразийской цивилизации (евразийство).

11. В переломные эпохи российской истории наблюдаются некоторые кризисные явления в развитии русского национального самосознания. В консервативной мысли это отражено следующими тенденциями: страх как доминирующая черта религиозности; охранительный характер консерватизма; отрицание западной культуры, стремление оградить Россию от ее «разлагающего» секулярно-индивидуалистического влияния; скепсис по отношению к плодам материальной культуры, научно-техническому прогрессу; сосредоточенность, главным образом, на интересах России и, т.о., принижение всемирной роли России; ощущение пораженности эмпирического мира метафизической субстанции зла, как следствие, мрачная апокалиптика; фатализм в трактовке грядущего апокалипсиса, отсюда, – стремление абстрагироваться от эмпирии, сосредоточенность на личном «стоянии в истине»; склонность видеть в России падший третий Рим, вместилище антихриста; крайняя антиномичность мировоззрения. В этом смысле показательны ранние старообрядцы, творившие на стыке эпох средневековой Руси и России Нового времени, и К. Леонтьев, создававший свои труды на переходном этапе от Нового времени к Новейшему. Их мирозерцания отразили противоречия данных эпох, явились реакцией на взаимообуславливающие тенденции: 1) интенсивное распространение в российском обществе чуждых по своей природе, неорганичных русской культуре западноевропейских идей; 2) кризис российской государственности.

12. Ключевой вклад представителей отечественного консерватизма в развитие русского национального самосознания сводится к следующему. Консервативные мыслители одни из первых: а) выразили в доктринальной форме русскую национальную идею (концепция Филофея «Москва – третий Рим»); б) указали на негативные последствия некритичного копирования чуждого опыта (старообрядцы); в) подняли темы уникального национального менталитета, русского национального самосознания, русской идеи на уровень философской рефлексии (славянофилы); г) выступили в качестве систематиков, концептуалистов в осмыслении данных тем (консервативные авторы 2-й половины XIX в.),

д) инициировали оригинальный путь цивилизационного развития России – ее интеграцию с азиатскими народами (евразийцы). Квинтэссенция, духовное заведение русского консерватизма – это: православие как фундамент русской культуры; крепкое централизованное государство – носитель духовной идеи; органическое развитие на основе самобытных начал; любовь к России, русскому народу.

Теоретическая и практическая значимость работы. Прежде всего, исследование послужит определенным вкладом в развитие русского национального самосознания, может стать импульсом к дальнейшему осмыслению феномена «русская идея».

Результаты работы будут способствовать дальнейшему изучению духовного наследия русских консервативных мыслителей; в целом, исследование расширяет знания об отечественной философии Средневековья, Нового времени.

В самом общем виде, русская национальная идея определяет высшие цели нации, призвана быть мировоззренческим фундаментом позитивного социального развития, которое возможно лишь в органической связи с духовным наследием прошлого. Поэтому выработка концепций, определение приоритетов государственного и в целом социального строительства возможны лишь на основе самобытных начал, с учетом бесценного опыта русских консервативных мыслителей. В данном контексте, многие положения рассмотренных в исследовании авторов не утратили своей актуальности, при условии их адаптации к современным реалиям.

Выводы исследования помогут определить критерии взаимодействия России с иными цивилизациями (и, прежде всего, с западной) и в этой связи, будут способствовать адекватной оценке негативных тенденций современного бытия (речь, в частности, – о порочной глобалистской стратегии).

Материалы данной работы используются соискателем при чтении курса русской философии.

Апробация работы. Основные положения диссертации получили освещение на российских и международных научно-философских конференциях: «Русское православие: Вехи истории»: Международные VI Рождественские православные чтения (Н. Новгород, 1998); «Православие и проблемы воспитания»: VII международные рождественские православно-философские чтения (Н. Новгород, 2000); «Церковь и общество на пороге 3-го тысячелетия»: X международные рождественские православно-философские чтения (Н. Новгород, 2001); «Единство и этнокультурное разнообразие мира. Диалог мировоззрений»: VI международный симпозиум (Н. Новгород, 2001); «Православная духовность в прошлом и настоящем»: XII международные Рождественские православно-философские чтения (Н. Новгород, 2003); «Истина и заблуждение. Диалог мировоззрений»: VII Международный научно-богословский симпозиум (Н. Новгород, 2003); «А.С. Хомяков: философ, писатель, публицист»: Международный симпозиум (Москва, 2004); «Философия и будущее цивилизации»: IV Российский философский конгресс (Москва, 2005).

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, пяти глав (в главах 1 и 5 – по три параграфа, в остальных – по два параграфа), Заключения и Списка

использованной литературы.

II. Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, раскрывается степень ее научной разработанности, определяются объект, предмет, цель, задачи, теоретическая и методологическая база исследования; оценивается его новизна, теоретическая и практическая значимость; дается общий обзор источников, приводятся положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Сущность русской идеи, в контексте отечественного консерватизма» – наиболее важная, поскольку ее задача – раскрыть специфику русского национального самосознания, сущность русской идеи, особенности отечественного консерватизма, прояснить ключевые категории («идея», «менталитет»), «консерватизм»), таким образом, подвести теоретический фундамент и выработать парадигму всего дальнейшего исследования.

Первый параграф «Специфика отечественного консерватизма» раскрывает сущность консервативного мировосприятия в различных его вариациях, определяет особенности русского консерватизма. Консерватизм вариативен. Охранительный воспринимает традицию как нечто завершенное, стремится адаптировать настоящее к некой «идеальной», сформированной в прошлом, социокультурной модели; как следствие, отрицает развитие, ибо видит в нем разрушение данной эталонной модели. Яркий пример – раннее старообрядчество. Органический консерватизм сводится к идее поступательного органического развития в опоре на ценностный фундамент традиции; последняя воспринимается как живой, развивающийся феномен. Яркий пример – славянофильство. Органическому консерватизму присущи: подход к социуму как к естественно развивающемуся организму, опора на базисные ценности национальной культуры, акцент на устойчивости бытия, ориентация на соборные, народные начала (народ мыслится как главный субъект истории), трактовка государства в качестве силы, организующей народ. Как правило, консерватизм сакрален, укоренен в глубинные пласты национальных культур – эти черты особенно ярко проявляются в русском консерватизме. Последнему присущи: духовный акцент (в то время как западному – экономический, политический), русоцентричность, т.е. опора на русскую национальную традицию, укорененность в русскую культуру, наконец, он прочитывается в контексте более глобальной темы – взаимоотношения русской и западной культур, что коррелирует со спецификой русского национального самосознания, русской идеи.

Второй параграф «Сущность русской идеи. Национальный менталитет как фундамент реализации русской идеи» посвящен исследованию культур-философского стержня русского национального самосознания – русской идеи, трактуемой как основанный на уникальном национальном менталитете, национальных ценностях самобытный путь развития России. Русская идея, в свою очередь, выступает существенным аспектом содержательно более глубокой категории – «идея». Проанализировав взгляды представителей античности (Платона, Аристотеля), немецкой классической философии (Канта, Гегеля), отечественной мысли (П.А. Флоренского), мы выявили различные трактовки категории

«идея». Онтологические: сверхчувственный первообраз класса вещей; цель существования, идеал, имеющий божественную природу. Гносеологические: мысленный образ, адекватно отражающий действительность; общее или родовое понятие; руководящий принцип; априорный базис теоретического познания. Аксиологические: образец поведения человека и общности; действующая причина поступков. Однако все трактовки восходят к одной – идея, как проявленность единого во многом. Исходя из этого, русская национальная идея и есть единое во многом – духовная сущность, объединяющая индивидов – носителей и выразителей русской ментальности – в единую общность.

Специфика русского национального самосознания, сущность русской идеи раскрываются через преодоление антиномичных крайностей, которые в настоящее время чрезвычайно обострены: западничество (впадающее в откровенную русофобию) и разные проявления национализма. Если национализм сосредоточен на национальных интересах, то национальная идея выходит за пределы данной нации (а если говорить о русской идее, то и за пределы мировой истории). Это логос, адресованный данной нацией всему остальному человечеству, ее высшее призвание, которое прочитывается не только в общемировом, но и в метаисторическом контексте. Субъектами русского национального самосознания, русской идеи выступают: народ, как носитель национальных ценностей; интеллектуальная элита, выполняющая функцию самосознания нации; практические деятели, реализующие идеальные установки в контексте национального самосознания.

Русская идея проявилась как на научно-теоретическом уровне, так и на уровне менталитета (в массовом национальном самосознании, общественной психологии). Отсюда, русский менталитет, характер русского человека явились фундаментом русского национального самосознания, русской идеи. Мы провели анализ категории «менталитет» через исследование его глубинной психической основы – «архетипа», являющегося плодом коллективного бессознательного. Психологическим фундаментом менталитета, т.о., служит сложный симбиоз: коллективного бессознательного, личного бессознательного, сознания. В архетипе на бессознательном уровне актуализируются общечеловеческие базовые ценности, идеи, потребности, которые, проникая в сферу сознания, символически объективируются, а также соответственно интерпретируются конкретной социокультурной средой, образуя системно взаимосвязанные личную и ограниченную данной средой коллективную психику. Последние, в свою очередь, выступают генетической матрицей менталитета. Мы вывели обобщенное определение русского национального менталитета – обусловленная длительным и устойчивым воздействием культурных, природно-географических, исторических, социальных, экономических факторов духовная сущность русской нации, включающая в себя: историческую память, специфический склад ума, психические, моральные установки, верования русского человека, а также проявляемые на бессознательном уровне и на уровне массового сознания, чувственно и рационально воспринимаемые ценности, идеалы, идеи (в том числе, идея уникального русского призвания в мировом масштабе). Менталитет априорно влияет на национальное самосознание, жизнь русского человека, проявляется в

его деятельности (в самом широком смысле) и характере.

По нашему мнению, специфику русского менталитета отражают три фундаментальные черты: государственность, соборное мировосприятие, православная духовность. Указанные черты системно связаны между собой, а также с духовными, социальными, природно-климатическими предпосылками, легшими в их основу, и являются потенциальной основой для проявления русского национального самосознания, русской идеи в различных аспектах.

Собственно, ключевым аспектам русского национального самосознания, русской идеи (провиденциальному, историческому, культурологическому) посвящен третий параграф «Основные аспекты русского национального самосознания, русской идеи». В провиденциальном аспекте необходимо различать русскую идею как философский феномен и как трактовку высшего призвания России. В первом случае речь идет об осмыслении христианского принципа провиденциализма как взаимной направленности человеческой и Божественной воли. Результатом этого осмысления явились оригинальные философские концепции соборности, всеединства, Богочеловечества, софийности, а также утверждение на их основе высших трансцендентных смыслов бытия, гармоничного сочетания индивидуальных устремлений с общими целями, внутренней духовной свободы и творческой активности личности, приоритета духовных ценностей, жизненности религиозных начал в устройении Космоса, значительной роли Церкви, культа в соединении трансцендентного и эмпирического миров. Во втором случае речь идет о выработанном на основе указанных концепций мессианском призвании русского народа, трактуемого как активное сотворчество человека с Абсолютом с целью «устроения Вселенной» на духовных – христианских – основаниях, реализация Царства Божия. Славянофилы, П.А. Флоренский чаяли духовного просветления бытия на фундаменте православных церковных принципов, В.С. Соловьев – на основе позитивного синтеза восточного и западного христианства. В контексте провиденциального мировосприятия это высшее призвание России мыслилось как задание Абсолюта. В указанных чертах провиденциальный аспект русского национального самосознания, русской идеи противостоит материалистическим концепциям развития социума, опирающимся на бездуховную почву утилитарных вечных интересов; нивелирующих личностное начало, национальные особенности и традиции; отсекающих высшие смыслы бытия и тем замыкающие систему «мир – человек» на саму себя, обрекая ее на гибель. В контексте провиденциального мировосприятия следует выделить существенную черту русского национального самосознания, русской идеи – эсхатологизм, предполагающий прочтение и оценку русским религиозным человеком собственного бытия с точки зрения метаисторической перспективы, противоположной перспективе неоправданно оптимистичного социально-исторического прогресса. Эсхатологическое мировосприятие означает ожидание конца земной истории, активное стремление человека прорваться в метаисторию, в христианском контексте, войти в Царство Божие. Эсхатологический момент чрезвычайно силен в творчестве консервативных авторов (в особенности – средневековых), а значит, очень важен для нас. Значительные эсхатологические потенции содержит православие. Именно под его

влиянием сложились основные эсхатологические черты русского человека: отсутствие мещанского, буржуазного духа, неприкрепленность к земному, устремленность к концу истории.

Русское национальное самосознание, русская идея в историческом аспекте преимущественно проявляются как актуализация духа соборности в эмпирии, а именно, свободное творчество личности с целью соборного единения человеческих сообществ (в идеале – всего мирового сообщества). В евангельском контексте указанное сверхзадание мыслится как адаптация вечных Божественных заповедей к жизни социума на основе любви, духовности, согласования собственной воли с Волей Абсолюта. Что касается экстравертной реализации духа соборности в эмпирии, то речь идет о диалектическом сочетании общего и единичного: стремлении к позитивному синтезу, взаимообогащению культур, но с сохранением особенностей собственной национальной культуры. Фундамент реализации духа соборности – большие потенции культурного синтеза, присущие русскому народу; трагическая судьба России, неюридический характер русского народа (стремление, преимущественно, к внутренне доверительным отношениям). Подавляющее большинство отечественных философов мыслило реализацию русской идеи в эмпирии как позитивный синтез ценностей русской и европейской культур. Русская культура преломила к своей почве универсалистскую римскую идею (что является свидетельством культурного родства России и Западной Европы). И если Запад выступил апологетом солидарности человечества на основе ценностей научно-технического прогресса, торжества открытого гражданского общества, личностного самовыражения, то Россия утверждает принципиально иной тип солидарности – на основе любви, духовности, христианских ценностей, культуры. Существенным моментом русского национального самосознания в историческом аспекте является идея гармоничного сосуществования человека с природным миром.

Рассмотрение культурологического аспекта русского национального самосознания, русской идеи предполагает, прежде всего, исследование системы эстетических ценностей русского человека. В целом, русская культура отличается глубоким эстетизмом, причём русской православной культуре (в особенности, древнерусской) присуща преимущественно духовная эстетика, в то время как западной – чувственная. В контексте культурологического аспекта русского национального самосознания, русской идеи, мы прояснили взгляды консервативных авторов на духовные основы русской и западной культур, принципы взаимоотношения данных культур (в этом культурологический аспект коррелирует с историческим); исследовали их творчество в контексте истории: укорененность в прошлое русской культуры, интерпретацию современности, взгляд на будущее России.

Остальные главы работы посвящены исследованию динамики русского национального самосознания, русской идеи в ключевых направлениях отечественного консерватизма.

Во второй главе «Идеологема «Москва – третий Рим», как концептуальное оформление русского национального самосознания, русской идеи» говорится о том, что концепция старца Филофея «Москва – третий Рим» – от-

правная точка в становлении русского национального самосознания, продукт и значимый этап русской культуры, мощный импульс ее дальнейшего развития. Она является первым четким выражением русской идеи в основных аспектах, имеет ярко выраженную этическую окраску. В идеологеме воплотилась мысль о духовном и политическом превосходстве Руси над остальным миром. Налицо первая в истории русской мысли целостная богословская концепция развития России во вселенском масштабе.

В первом параграфе «Философско-культурологический аспект концепции «Москва – третий Рим»», мы остановились на трактовке Филофеем духовного фундамента русской культуры. Творчество псковско-печерского старца – яркое подтверждение, что смысл жизни средневековым русичем прочитывался исключительно в категориях православия. Православные ценности имеют для Филофея абсолютное значение, православие определяет его мировоззрение. В духе православного провиденциализма рассматривает Филофей историю человечества. Провиденциально-эсхатологический аспект национального самосознания в творчестве Филофея, на наш взгляд, – доминантный, превалирует над историческим. Мысль старца такова: не пассивная материя определяет судьбы мира, но активный трансцендентный мир. Условие достойного вхождения человечества в метаисторию – направленность божественной и человеческой воли навстречу друг другу. Провиденциализм Филофея имеет ярко выраженную эсхатологическую окраску. В конце земной истории, считает старец, человеческая воля должна отличаться особой напряженностью в стремлении к Богу.

Православное мировоззрение определило трактовку Филофеем социальных программ, что явилось важным шагом в развитии исторического аспекта русского национального самосознания. В данном контексте рассматривается и реализация в Посланиях одного из коренных начал русской ментальности – государственности. В Посланиях отражены две ключевые политические задачи – достижение политического суверенитета Русского государства, независимости Русской православной церкви, а также защита истинного вероучения, древнехристианского предания во вселенском масштабе. Последняя задача рассматривается как более важная – в этом видится глобальная миссия Русского царства и его царя перед концом истории. Данная задача имеет религиозно-этическое прочтение, что отразилось в теократической идее симфонии священства и царства, звучащей в идеологеме. Царь «третьего Рима», по мысли Филофея, выступает защитником Церкви, поборником высокой нравственности жителей «третьего Рима», является субъектом, реализующим встречу эмпирической и мистической реальности. Отсюда столь высокие требования к его духовному облику. Таким образом, в творчестве Филофея царская власть получает освящение свыше, речь идет не о примате духовной власти над светской, а об усвоении государственной властью священной миссии. Филофей утверждает идею Святой Руси, – метафизического царства, имеющего на краю земной истории всечеловеческое призвание. Однако в Посланиях очевидно противоречие: несоответствие между высокими задачами наследников «третьего Рима» и их реальным духовным обликом. Мы предположили, что уже в 20-е годы XVI в. берет начало «разложение онтологического миропонимания» (фраза П. Фло-

ренского) в средневековой русской среде. Данные негативные тенденции преопределили дальнейшую трансформацию концепции Филофея. Официальные светские и духовные власти в XVII в. трактуют Россию как «константинопольскую вотчину», т.е. политический аспект заслоняет религиозно-эсхатологический.

Рассматривая Послания Филофея в историческом контексте, в частности, исследуя его творчество в связи с прошлым русской культуры, мы установили, что многие положения концепции в образной, символической форме звучали уже в XV веке в древнерусских народных стихах и легендах («Голубиная книга», «Повесть о белом новгородском клобуке»). Заслуга псково-печерского старца в том, что он аккумулировал высказанные в этих произведениях мысли и сформулировал в сжатой, лаконичной форме. Современный этап истории Филофеем трактуется как апокалиптическое время последнего столкновения субстанций Света и тьмы накануне Второго Пришествия. В духе апокалипсиса рассматривает старец и будущее человечества, судьбу вселенской Церкви, задачи русского народа. Апокалиптика, эсхатология Филофея имеют светлый характер, который зиждется на идее незавершенности истории человечества, Церкви; утверждении активной роли человека как субъекта исторического процесса. Таким образом, Филофеем свойственна идея Церкви развивающейся, даже перед концом земной истории. В плане соотношения русской культуры с иными культурами, старец утверждает мысль о падении всех христианских царств, кроме Российского. Трагедия падения имеет духовный смысл: по убеждению Филофея, «воды неверия» потопили все христианские царства, кроме Российского. Уникальность русской православной культуры, ее отграниченность от иных культур Филофеем утверждает путем поляризации мира. Критерий поляризации – стояние в истине. На одном полюсе – хранящий православие русский народ, на другом – «отпавший от истины», по сути, весь остальной мир, представляющий довольно пеструю картину.

Во втором параграфе «Идея мессианского призвания русского народа, проявление сущностных черт русской ментальности в творчестве Филофея» мы рассмотрели, как трактует старец русский мессианизм и исследовали творчество Филофея сквозь призму сущностных черт русской ментальности. Концепция Филофея имеет ярко выраженный мессианский характер, ибо, по мнению псковского старца, на краю земной истории единственный – русский народ исполняет глобальную миссию человечества – стремление к Богу и защите вселенской Церкви. В данном контексте вера, духовный облик наследников «третьего Рима» определяет судьбу человечества в целом, ибо оправдать высокую миссию последних в истории защитников истинной веры могут только духовно возрожденные, обновленные люди. Эта мысль, явственно звучащая в концепции, и придает ей ярко выраженную этическую окраску.

Что касается реализации сущностных черт русской ментальности в мировоззрении Филофея, высшей религиозной ценностью для автора Посланий, как представителя русского православного сознания, является Абсолют. В данном контексте, в творчестве псково-печерского старца проявилась такая черта средневекового русского сознания, как символизм, отражающий два существенных

положения: христианский символ не только показывает, но и действует; он незыблем. Творчество Филофея – яркое свидетельство, что объектом защиты русского православного человека (и средневекового русского – в частности) стали и такие духовные ценности, как любовь, справедливость, внутренняя духовная свобода, сопряженная с колоссальной ответственностью человека перед Богом и противопоставляемая западной внешней юридически трактуемой свободе; нестяжание, милосердие. Именно в контексте абсолютной ценности православия следует трактовать и целостное (онтологическое, гносеологическое, эстетическое) мировосприятие Филофея. Ему присущ акцент на духовном разуме, опирающемся на Евангельское откровение. Как свидетельствуют Послания Филофея, представителя русского средневековья отличает еще и скепсис к процветавшей на Западе внешней мудрости. Онтологизм мыслится как стремление свести все проблемы бытия к морально-этическому их прочтению. В данном контексте творчество псковского старца отражает еще одну сущностную черту русского православного менталитета – активность личности, имеющую духовный акцент. В плане эстетического мировосприятия, творчество Филофея свидетельствует о сосредоточенности более на красоте духовной (в отличие от представителей Запада, отдававших предпочтение чувственной эстетике). Поле эстетического восприятия Филофея образуют объекты, связанные с христианством. В контексте соборного мировосприятия, в мировоззрении Филофея проявилась всемирная отзывчивость. Соборное мировосприятие псково-печерского старца отличается вселенским максимализмом, осознанием глобальной ответственности всех за всех, единства христианского мира.

Концепция, по сути, явилась отправной точкой идейной борьбы традиционалистов-самобытников и их противников. Первые, в частности, славянофилы, в своих построениях восприняли многие идеи псково-печерского старца: необходимость опоры на национальную традицию, тему богоизбранности русского народа. Но и вторые, не принимая в целом концепции Филофея, вынуждены были выразить свое отношение к ней. Известно суждение Вл. Соловьева, что идеология распространялась представителями Византии и, таким образом, является элементом чужеродным для русского народа.

Исследованию динамики русского национального самосознания, русской идеи в старообрядчестве посвящена глава 3 «Эволюция национального самосознания, русской идеи в старообрядчестве, в контексте влияния культурных парадигм средневековой Руси и России Нового времени».

Первый параграф – «Становление мировоззренческих принципов старообрядчества в XVII веке». XVII в., в целом, стал переломным в развитии национального самосознания, которое получило свое развитие в особом старообрядческом мировоззрении, представляющем синтез традиционного православия и национальной народной культуры, уходящей корнями в дохристианскую Русь. Вклад старообрядчества в развитие национального самосознания, русской идеи проявился в защите самобытной формы религиозности, самобытных духовных начал (приоритет духовных ценностей, внутренняя свобода, духовный разум, духовная эстетика, соборное миропонимание) в переломный период развития национальной культуры, Русского государства. Хотя, защита самобыт-

ных духовных начал сопровождалась негативными тенденциями фанатизма, подавления инакомыслия. Мировоззрение старообрядцев – яркое подтверждение тезиса, что вариации национального самосознания, русской идеи детерминированы глобальными историко-культурными сдвигами. Старообрядчество возникает и развивается на стыке эпох. Его крайняя противоречивость есть результат синтеза культурных парадигм средневековой Руси и России Нового времени. Так, в плане ориентации на Евангельские ценности, смирение, проповедь христианской любви сочетается с абсолютизацией собственного духовного авторитета (что является личностным проявлением). В контексте защиты духовной свободы, абсолютная нетерпимость к инакомыслию, трактовка человека как пассивного объекта действия трансцендентных сил сочетается с утверждением благой воли человека, направленной на защиту истины, личной ответственности за свои поступки. В контексте защиты духовного разума абсолютизация Евангельского учения, отрицание внешней мудрости сочетается с неподдельным интересом к внешним знаниям. В контексте соборного мировосприятия, демократизм, антииндивидуализм (утверждение равенства всех людей перед Богом), опора на соборное мнение сочетается с личностными проявлениями в характере проповеди, апологетике подвига ради веры, осознанием собственного непрерываемого авторитета, антропоцентристскими тенденциями, проявленными в образе старообрядческого апостола. Онтологизм сочетается с рационализмом. В плане развития культурологического аспекта национального самосознания, русской идеи, апологетика ранним старообрядчеством духовной эстетики антиномично сочетается с восприимчивостью к чувственной красоте, что, вероятно, объясняется влиянием православной, национальной дохристианской и идущей с Запада гуманистической культур.

Идея падения третьего Рима и утверждения в эмпирии антихриста оказала решающее влияние на провиденциальное мировосприятие старообрядчества. Ранний раскол характеризуется максимализмом в сосредоточенности на мире трансцендентном; цели и смыслы эмпирического бытия, в котором укоренилась метафизическая субстанция зла, для них не значимы. Падение третьего Рима и воцарение в мире антихриста означало для них нарушение провиденциального баланса, прекращение истории, что вылилось в пессимистический эсхатологизм, «апокалиптический испуг», попытки покинуть мир, вплоть до самоистребления. В плане проявленности исторического аспекта русского национального самосознания, русской идеи, концепция крушения третьего Рима, ярко выраженный антиисторизм ранних старообрядцев детерминировали неоднозначную ретроспективность их мирозерцания. Социальный идеал для них отчасти воплотился в прошлом Московской Руси (XVI – нач. XVII вв.). Они явились выразителями конца земной истории, будущего для них не было, что предопределило, в частности, массовое самоистребление – радикальную форму абстрагирования от «погрязшей во зле» эмпирии.

Что касается взглядов старообрядцев на взаимоотношение русской культуры с иными культурами, полагаем, русское национальное самосознание, русская идея здесь впервые стали прочитываться в русле глобальной темы «Запад – Восток». Старообрядчеству присущ некоторый глобализм мышления, кото-

рый проявился, в частности, в резкой поляризации мира по принципу «свои / чужие», без промежуточной аксиологической зоны. «Свои» – защитники истинного благочестия, вне зависимости от территориальной проявленности. «Чужие» – мир «отступников». Однако многоликий мир «верных» – это, в основном, представители благочестивого прошлого. В современной же старообрядцам действительности мир «верных» ограничился лишь узким кругом единомышленников – последних хранителей древлего благочестия в «пораженном» антихристом мире. Это детерминировало их идеологию изоляционизма. Изоляционистская тенденция усугублялась тем, что старообрядчество сформировалось, во многом, как реакция на активное проникновение во 2-й половине XVII в. чуждой по своим духовным основам европейской культуры, что было расценено ими как посягательство на последний оплот истинного благочестия в мире – третий Рим. Этим объясняется их изоляционизм, который являет собой, по сути, срыв русской национальной идеи: утрачивая вселенское значение, она вырождается в узкий провинциальный национализм. Заслуга же старообрядцев в развитии национального самосознания в том, что они четко сформулировали духовные начала западной культуры, прежде чем отвергнуть их – как противоречащие русским православным устоям, традициям: «ложное» вероучение, приоритет материальных ценностей, внешняя мудрость, чувственная эстетика. С одной стороны, здесь проявилась косность, неотзывчивость на требования времени, отрицание самостоятельных исканий разума. С другой стороны, как представители средневекового русского православного сознания, они указали на негативные последствия западного влияния: секуляризацию русского общества, подмену духовных ценностей материальными. В этом они выступили как противовес тем силам и тенденциям, которые вели к перерыву органического самобытного развития русской православной культуры, и в этом их значительный вклад в развитие национального самосознания, русской идеи в XVII в.

Во втором параграфе «Генезис самобытной идеологии в старообрядчестве XVIII–XX веков» говорится о том, что более позднее старообрядчество характеризуется еще большей противоречивостью: стремление зафиксировать, сохранить в целостности наследие старины поразительно сочетается с церковным радикализмом и даже нигилизмом; охранительный консерватизм, антиисторизм – со значительным вкладом в модернизацию России. Противоречиво проявился и патриотизм старообрядчества: с одной стороны, ему присуща горячая любовь к идеализируемой, метафизической Святой Руси, которой в действительности никогда не было. С другой стороны, эта горячая любовь антиномично сочеталась с радикальным отрицанием современной им реальной России, в их глазах, – «падшего третьего Рима», «носителя» метафизической субстанции зла, управляемого «царями-антихристами». Таким образом старообрядцы воплотили ярко выраженные противоречия переломной эпохи, а также присущее русской ментальности стремление к крайностям. Антиномичность старообрядчества вылилась в дифференциацию мировоззренческих принципов, дробление на толки и согласия, в контексте постепенного углубления трех сущностных антиномий: а) толерантность / непримиримость, радикализм; б) историзм, социальность / антиисторизм, асоциальность; в) духовность / формализм, обрядоверие.

Проведенное исследование позволяет выстроить иерархию основных рассмотренных нами течений – от самых радикальных, отличающихся антиисторизмом, обрядоверием, до наиболее толерантных, включившихся в жизнь общероссийского социума, преодолевших дух формализма, обрядоверия: **раскольничьи самоубийцы** → **Беспоповцы**: странники, федосеевцы, филипповцы → **поморцы** → **Поповцы**: представители Белокрыницкой епархии → «окружники» → единоверцы, соединившие, по сути, старообрядческую и православную церкви. Данное старообрядческое расслоение ярко продемонстрировало сложные метаморфозы русского национального самосознания в противоречивую эпоху становления имперской России. Если раннее старообрядчество сформировало основные мировоззренческие принципы: а) падение третьего Рима, воцарение антихриста, приближение конца истории; б) незыблемость обряда, священной буквы, то более позднее демонстрирует уникальный Логос: идеологию, богословско-историсофскую аргументацию собственных позиций, выработанную в процессе полемики с православной Церковью. В данном контексте староверы проявляют духовный подход к трактовке вероучения, Церкви; способность к рациональному, систематизированному изложению позиций, умелое использование методов диалектики, аналогии, обобщения. Более позднее старообрядчество унаследовало преимущественно духовную эстетику, однако, в контексте Нового времени, интеллектуальный, рациональный аспект здесь все более доминирует над духовно-эстетическим. В этом старообрядчество оказалось чувствительно к тенденциям и ценностным установкам Нового времени.

В плане развития провиденциального аспекта, пессимистический эсхатологизм, мрачная апокалиптика укоренились в радикальных беспоповских толках и согласиях. В толерантных течениях, в силу того, что прогнозы скорого конца истории не оправдались, постепенно снижается накал пессимистического эсхатологизма; как следствие, растет социальная активность – и в этом кардинальное отличие от раннего старообрядчества. Отход от исключительно трансцендентных целей и смыслов – это веяние Нового времени и важный шаг поздних старообрядцев в развитии национального самосознания, русской идеи. Более толерантные течения XVIII – XX вв. преодолевают крайний антиисторизм, включаются в жизнь Российского государства, хотя данное сотрудничество, скорее, вынужденное, нежели добровольное. Старообрядцы демонстрируют народный вариант монархизма. Идеализация, сакрализация монархического начала как богопоставленного антиномично сочетается с отрицанием реальных представителей царской власти, как не отвечающих идеалу. Таким образом, косвенно, староверы подтверждают тезис о том, что государственная власть в глазах носителей русской культуры должна вырабатывать и защищать духовную глобальную идею, сплачивающую нацию. Если для Филофея основным носителем и защитником национального самосознания, русской идеи, а, следовательно, наиболее важным субъектом истории, выступает русский царь, то для старообрядцев таковым является простой русский народ – хранитель древлего благочестия. Однако демократизм старообрядчества антиномично сочетается с утверждением личности избранного среди равных старообрядческого апостола – претендующего на обладание высшей истиной последнего в истории защит-

ника чистого христианства. Утверждение личностного начала, в духе ценностей Нового времени, – важный шаг в развитии национального самосознания. Историзм более позднего старообрядчества проявился в феномене предпринимательства. В старообрядчестве, как и в протестантизме, необыкновенная деловая активность, сочетающаяся с суровым аскетизмом удачливое предпринимательство явились, во-первых, средством преодоления религиозного (апокалиптического) страха; во-вторых, – внешним критерием и подтверждением собственного исключительного статуса последних защитников «истинной веры»; в третьих, – своеобразной сублимацией колоссальной религиозной энергии, ее направлением в обустройство эмпирии. Мировоззрение ревнителей древлего благочестия явило синтез двух антиномичных тенденций: абсолютизация евангельских ценностей и идея богооставленности мира. Как следствие, их религиозность приняла форму, преимущественно, уставного благочестия, явилась фундаментом обустройства бытовой сферы. Дух соборности, демократизма – как основа выдвижения наиболее благочестивых, талантливых, предприимчивых; консерватизм нравов, строгий семейный уклад, в сочетании с использованием передового промышленного опыта – эти и другие черты явились основой необыкновенно успешной хозяйственной деятельности. Старообрядцы воплотили в эмпирии (пусть далеко не идеально) принцип христианской общинности. Если ранние старообрядцы отрицали материальную культуру как таковую, то более поздние именно в ее развитии увидели один из существенных смыслов бытия. Староверы XVIII – XX вв., пусть неосознанно, воспринимают передовой промышленный опыт Запада. Таким образом, снижается антизападнический пафос (на первый план выходит полемика с православной Церковью). Большой вклад старообрядцев в модернизацию России есть преодоление охранительного консерватизма, конфликта между традицией и новацией. Феномен старообрядческого предпринимательства является ярким свидетельством того, что православные этические принципы, в качестве фундамента развития промышленности, бизнеса, ничуть не уступают протестантским.

Четвертая глава посвящена славянофильству – «Роль славянофилов в развитии русского национального самосознания, русской идеи».

В первом параграфе «Славянофилы – об органических духовных началах, как основе реализации мессианского призвания русского народа» говорится, что важнейшая заслуга славянофилов в том, что они ключевые проблемы, связанные с осмыслением сущности национального самосознания, русской идеи, подняли до уровня философской рефлексии. В этом они проявились как мыслители Нового времени, построившие собственную оригинальную философию на основе синтеза, казалось бы, разнородных учений: немецкой классической философии, восточной патристики и учения Православной церкви. Славянофилы одни из первых в русской философии глубоко рассмотрели проблему неповторимого духовного облика народа, определяющего его внутреннее единство, определили духовную основу данного облика, выявили специфические национальные начала и на их основе сформулировали глобальные задачи, стоящие перед русским народом – внутренние и вселенские. И таким образом, по существу, в славянофильстве обнаруживаются истоки разработки темы на-

ционального менталитета, за столетие до введения в научный оборот данной категории. Полагая, что религиозная вера – главная детерминанта бытия нации, православную духовность они определили в качестве основного духовного начала. Православие, в свою очередь, явилось основой таких ментальных качеств, как стремление к цельности, евангельская простота и смирение, онтологизм, приоритет духовных ценностей, «разумность» (в противовес западной «рассудочности»), гармоничное со-бытие с миром природы, соборность. Славянофилам принадлежит ключевая роль в философском осмыслении соборности, как гармонического сочетания на основе христианской свободы и любви духовного единства и индивидуальных особенностей каждого члена Церкви. Внутренняя духовная свобода в сочетании с соборным единством, по мнению славянофилов, преодолевает крайности авторитарности католицизма и разобщенности протестантизма. В отличие от старообрядцев, славянофилы понимали соборность как единство творческих личностей, субъектов исторического процесса, что предопределило утверждение необходимости поступательного развития (Церкви, истории), реализации в будущем вселенских задач. Раскрывая богатые соборные потенции русского народа, способность славян, русских к гармоничному сосуществованию с природным миром, славянофилы пророчески утверждают сущностную черту русского национального самосознания – всеотзывчивость, тенденцию к позитивному синтезу культур, являющуюся составной частью русской идеи. Славянофилы рассмотрели и такую сущностную черту русской ментальности, как духовно-эстетическое мировосприятие, прочитываемую в контексте культурологического аспекта русского национального самосознания, русской идеи. В отличие от средневековых русских авторов, которые *непосредственно* наслаждались трансцендентным миром и связанными с ним объектами эмпирии, славянофилы теоретически обосновали роль эстетического чувства в жизни индивида. Опираясь на философию Шеллинга, они отводили большую роль эстетическому началу в познании сущностных истин. Представление о прекрасном славянофилы связали с православной национальной стихией. Романтизм, эстетизм проявились и в творчестве самих славянофилов. Следствием их романтизма явилась поэтизация, а отчасти и излишняя идеализация: Православной церкви, русского народа, истории допетровской Руси, чаемого будущего России. Проявление органических начал славянофилы обнаруживают в русской старине, Православной церкви, в народном быту. Народ у славянофилов – главный деятель истории, носитель и выразитель национального самосознания, субъект реализации национальной идеи, но понимание его неоднозначно. С одной стороны, это простонародье, и, прежде всего, крестьянство, хранящее христианские традиции. С другой стороны, в понятие «народ» любомудры включают всех представителей русской нации, являющихся носителями и выразителями национального самосознания, самобытных духовных черт. Исходя из этого, роль личности обусловлена тем, насколько она отражает потребности народа. Славянофилы – ярко выраженные патриоты. Им присуща любовь не только к метафизической Святой Руси или русской старине (как старообрядцам), но и к реальной России: в настоящем и, тем более, чаемом будущем. Таким образом, и в любви к отечеству славянофилы отличались

цельностью. Крайне негативно они относились к космополитизму и к тем, кто отрывается от своих корней.

Отмеченные органические духовные начала, по мнению славянофилов, не только сформировали национальное самосознание, духовный облик русского народа, православные гносеологические принципы, которые в будущем должны стать основой самобытной философии, но, самое главное, послужат фундаментом реализации мессианского призвания русского народа, т.е. воплощением русского национального самосознания, русской идеи во вселенском масштабе. Одна из важнейших (внутренних) задач – достижение органического развития русской нации, а именно, возрождение России на основе органических начал. Для этого необходимо преодоление подражательного пути развития; осознание сущности коренных духовных начал, прежде всего, вечных истин православия, изучение их реализации в жизни древней Руси; наконец, реализация органических начал в современной (славянофилам) жизни Российского общества (в социальной сфере, искусстве, науке, философии), в сочетании с использованием высших достижений мировой цивилизации. Реализовав эту глобальную задачу, русский народ сможет в дальнейшем выполнить свое вселенское призвание. Следует акцентировать внимание именно на вселенском характере славянофильской трактовки русской идеи. В отличие от старообрядцев, славянофилы вселенские идеалы ставили выше идеалов народности. Таким образом, еще одно важнейшее достижение славянофилов – именно они осуществили содержательное разграничение национализма и национальной идеи (хотя и не ввели в оборот данные категории), а именно, провели четкий водораздел между национальными интересами и вселенским призванием нации, трансцендентным смыслом ее бытия. Славянофильская трактовка мессианского призвания России рассматривается в контексте их провиденциального мировосприятия. Творчески переосмысливая построения Шеллинга и опираясь на православное учение, они сформулировали провиденциальный принцип истории, как взаимодействие объективной Божественной воли и свободной воли индивида. При этом они подвергли критике крайности жесткого фатализма (отрицание свободной воли человека) и апологии случайности (отрицание объективной воли Абсолюта). Славянофилы большую роль отводят свободной воле человека. Воля Абсолюта для них – идеал, к которому должно стремиться человечество, и проявляется в объективных законах развития общества. Следовательно, познание законов исторического развития, по славянофилам, тождественно постижению Провиденциальных планов. Реализация народом своего исторического, определяемого Абсолютом, призвания и есть осуществление провиденциального принципа гармонизации человеческой и божественной воли, считают славянофилы. Если Филофей и старообрядцы выступили с идеей перерыва истории, то славянофилам идея близкого апокалипсиса абсолютно чужда. Как следствие, им присущ оптимистический взгляд на будущее России, всего мира. Предлагая собственное содержательное наполнение концепции «Москва – третий Рим», славянофилы утверждают вселенское призвание русского народа – утверждать христианские духовные ценности и церковные начала в мире, и таким образом, стать в будущем «впереди всемирного просвещения», приблизить реализацию Царства

Божия в истории. И если средневековые русские авторы в реализации Царства Божия первостепенную роль отводят Абсолюту, то славянофилы – человеческому фактору. В данной концепции проявился идеализм, романтизм славянофильства, вплоть до противоречия евангельской трактовке истории (окончательная реализация Царства Божия, в соответствии с православным учением, не есть прерогатива «народа-богоносца», но исключительная прерогатива Абсолюта). В контексте идеи реализации Царства Божия славянофилы вырабатывают и социальный идеал. Наиболее полно реализовать христианские начала в социальной жизни должны, по их убеждению, православная семья и община. Последняя сочетает в себе хозяйственные и нравственные начала. Если общинный принцип станет всеобъемлющим, то это предопределяет господство духа соборности в обществе, и в целом государство должно строиться на общинном принципе, полагали они. Славянофильский принцип общинности, породив острую полемику в отечественной философии, не утратил своей актуальности и сегодня. Современная Русская православная церковь трактует церковную общинность как необходимое условие духовного оздоровления нации. В социальной сфере общинный принцип может стать основой организации местного самоуправления, которое послужит важным этапом построения демократического общества, соответствующего национальной традиции, укладу, а не скопированного по западным образцам.

Значительна роль славянофилов в теоретическом осмыслении сущности государства, его роли в истории России. Специфической чертой русского народа, как полагают мыслители, является стремление более к нравственно-религиозному самосовершенствованию, чем к внешнему устройению. В русле эклизиологических построений, роль государства, полагают славянофилы, – стать средством все более полной реализации Церкви на земле. Таким образом, их идеал государства – православная монархия, опирающаяся на народное представительство. Славянофилы признавали значимость монархического начала, однако, в отличие от Филофея, они не сакрализировали государство.

В славянофильстве ярко воплотились сущностные качества органического консерватизма. Общество для них – организм, а не механизм, следовательно, должно развиваться естественным путем. Делая акцент на устойчивости бытия, славянофилы подвергли критике прогрессистский оптимизм – высказали мысль, актуальную и по сей день: при оценке развития общества следует учитывать все стороны жизни (и, прежде всего, духовно-нравственное состояние), а не только развитие техники и покорение природы. Трактовка религиозной веры как важнейшей доминанты общественной жизни, основы стабильности общества; опора на народные, соборные начала – все это также позволяет отнести славянофилов к консервативному лагерю. Именно органический характер их консервативному мировосприятию придает то, что, признавая необходимость опоры на «очищающую старину», они явились апологетами движения вперед, «постоянного усовершенствования»: общественной жизни, Церкви, национальной культуры – в органичном взаимодействии с иными культурами и, прежде всего, западноевропейской. Об этом, собственно, идет речь во втором параграфе «Славянофилы – о западноевропейских духовных началах и прин-

ципах синтеза русской и западной культур».

Если средневековым русским авторам свойственно, как правило, абсолютное отрицание Запада как носителя метафизического зла, то славянофилы осуществили концептуальный анализ европейских духовных начал, провели многоаспектное (историческое, гносеологическое, антропологическое, социально-философское) обоснование антиномичности католическо-протестантской западной и православной русской культур и выработали принципы их взаимоотношения. Таким образом, в славянофильстве русское национальное самосознание, русская идея проявляются в контексте глобальной темы «Запад / Восток». Для славянофилов чуждые русской культуре западные духовные начала, во-первых, – коренные принципы развития западноевропейского менталитета, во-вторых, – составные элементы европейской культуры и в целом жизни. К первым (рационализм, раздвоенность, индивидуализм, формализм, ориентация на материальные ценности и т.д.) отношение отрицательное; ко вторым (западные вероучения, философия, наука, искусство, материальная культура, принципы организации социальной жизни) – неоднозначное, сложное. В отличие от средневековых русских авторов, славянофилам свойствен большой интерес, дифференцированный подход к европейской культуре (в плане национально-культурной градации). Критично оценивая действительность, они не идеализировали Россию, но и не нивелировали ценностей Запада. Если старообрядцы отрицали западную культуру как таковую, то славянофилы – лишь слепое подражание, но в целом, те и другие признавали тупиковость западного пути развития. Таким образом, в контексте взаимоотношения России и Запада славянофилы, в развитии национального самосознания, преодолевают крайности раскольничьего изоляционизма и западнической подражательности: утверждают путь самобытного развития России с использованием общемировых достижений. В плане определения места России в мировом культурном ареале, если рассмотренные средневековые русские авторы трактовали Россию как самодостаточный третий Рим, последний оплот истины на земле; западники, П. Чаадаев – как страну с неразвитой культурой, призванной подражать Западу, то славянофилы – как страну с самобытной духовной культурой, с духовными потенциями общемирового значения. Таким образом, славянофильство отличается глобализмом мысли (как в хронологическом, так и культурном плане), что коррелирует с вселенским характером их национального самосознания. Если старообрядцы сосредоточились исключительно на прошлом России, то славянофилы связывают единой преемственной связью ее прошлое, настоящее и будущее; если мир старообрядчества замкнулся внутри русской нации, то славянофилы охватывают мысленным взором всю мировую ойкумену, и в этом их сходство с Филофеем: как и псковско-печерский старец, они трактуют русский народ в качестве силы, несущей моральную ответственность перед Абсолютом за духовное состояние всего мира.

Славянофилы не создали философских систем. Кроме того, их построения страдали неоправданной идеализацией (русского народа, отечественной истории). Творчество московских любомудров можно трактовать как пробуждение самобытной философской мысли Нового времени, первые попытки философ-

ского оформления русского национального самосознания. Вместе с тем, многие идеи славянофилов послужили фундаментом практически для всех последующих отечественных религиозно-философских направлений, связанных с осмыслением сущности русского национального самосознания, русской идеи.

Пятая глава носит название «Эволюция русского национального самосознания, русской идеи в консервативной мысли в период 2-й половины XIX – XX веков».

О развитии национального самосознания в консервативной мысли 2-й половины XIX в. речь идет в параграфах первом «Концепция всеславянской интеграции Н.Я. Данилевского» и втором «К.Н. Леонтьев: идея спасения русской самобытности». Крымская война, Польское восстание, продемонстрировавшие враждебное отношение Запада к России; общемировой духовный кризис; деструктивные тенденции в самой России (распространение нигилизма, эгалитарного либерализма, размывание православных органических начал) – таков исторический фон, на котором формировалась консервативная мысль 2-й половины XIX века. Указанные тенденции детерминировали сложную эволюцию русского национального самосознания, русской идеи в данный период, прежде всего, предопределили отказ Н. Данилевским, К. Леонтьевым от романтического славянофильского идеала духовной солидаризации человечества, реализации Царства Божия на земле. По их убеждению, христианский закон действителен исключительно в личной судьбе, но не в истории. Последняя развивается в соответствии с законами натурализма, политической целесообразности (Н. Данилевский), либо эстетического натурализма (К. Леонтьев). Дуализм христианского мировосприятия – новое в отечественной консервативной мысли. Подобный подход к истории кардинально отличается от романтического религиозного подхода славянофилов. В свете отмеченных исторических событий, во 2-й половине XIX в. радикально переосмыслена тема «Запад и Россия». На смену славянофильским чаяниям будущего духовного братства пришла идея непреодолимой вражды романо-германской и русской (славянской) цивилизаций. По Н. Данилевскому, противостояние имеет глубокие метафизические корни. Трактую натуралистически развитие социумов (применяя универсальный триадический принцип: «рост – цветение – разложение и гибель»), мыслители выдвинули идею необратимого «гниения» Запада, вступившего, как считали они, в заключительную фазу развития. По К. Леонтьеву, разложение выразилось в эгалитарно-либеральном процессе, признаки которого – разрушение религиозных, государственных скреп, всесмещение и всеобщее усреднение, утилитаризм, «слепые» надежды на всеобщее счастье, пошлые идеалы (средний, довольный собой буржуа). Если славянофилы чаяли духовного единения всего человечества, Н. Данилевский выступил с идеей солидаризации славянства и противостояния Западу, то К. Леонтьев само противостояние, антагонизмы возвел в ранг необходимых субстанциональных атрибутов эмпирического бытия, что в принципе отрицало эвдемонистический подход к жизни. К. Леонтьев не только не верил в реализацию Царства Божия на земле, но и не желал его наступления, ибо это означало бы утрату дифференцированности, сложности, а значит, – красоты. Данная эволюция мировоззрений символична. Очевиден

принципиальный отказ консервативными мыслителями 2-й половины XIX в. от всемирно-интегративной роли России. Однако, в контексте развития темы «Запад – Россия», следует отметить конструктивный профетический момент творчества мыслителей. Они обличали типичную русскую болезнь «европейничанья», не изжитую по сей день; порочную стратегию западной цивилизации трактовать собственные ценности, стандарты в качестве общечеловеческих и навязывать их остальному миру (то, что спустя почти полтора столетия назовут глобализмом). Во 2-й половине XIX в. консервативные мыслители в противодействии этой стратегии предвидели «главный вопрос дня».

Неоднозначна, крайне противоречива трактовка мыслителями роли России в мире. С одной стороны, их концепции в данном контексте не лишены вселенских черт. Всемирная миссия России, по их убеждению, – в противодействии западной глобалистской стратегии и, т.о., – спасении культурного многообразия человечества; в хранении истинного (православного) христианства. К. Леонтьеву удается диалектически соединить общее и особенное (всемирное и национальное): развитая до «высших пределов» национальность, по его убеждению, приобретает всемирное значение (в частности, по влиянию). Но с другой стороны, тема национальных интересов в творчестве мыслителей все же доминирует над темой вселенской миссии России. Историсофия Н. Данилевского, в целом, утрачивает коррелятивные связи с концептом «идея»: абсолютизировав «многое» (национальное), он превратил в пустую абстракцию «единое» (всемирное). Отрицая, в целом, общечеловеческое, Н. Данилевский историю сводит к бытию определенного культурно-исторического типа, смерть которого, в духе натурализма, фатальна. Утверждение самодостаточной всеславянской цивилизации, долженствующей прийти на смену романо-германской, – таков основной пафос историософии мыслителя. Таким образом, на смену религиозно-философским интуициям славянофилов пришел прагматический сциентизм, ориентированный исключительно на эмпирию. «Имманентизм», снижение религиозного накала проявились и в социальном идеале философа – процветание, культурное многообразие всеславянской цивилизации. Взгляды философа демонстрируют национальный эгоизм – равнодушие к иным, неславянским народам. В целом, Н. Данилевский оптимистично смотрел на будущее славянства, России, чего нельзя сказать о его последователе К. Леонтьеве. В распространении нигилизма, эгалитарного либерализма К. Леонтьев усмотрел признаки распада российского социума. Обладая профетическим даром, он, безусловно, предчувствовал (и даже предсказывал) грядущую катастрофу: крушение Российской монархии, установление тоталитаризма, воинствующего атеизма, планомерно уничтожающего Православную церковь. Отсюда – его исторический пессимизм, утверждение, в контексте общемирового духовного кризиса, необратимой дряхлости человечества (Россия – не исключение), мрачная апокалиптика, связанная не с радостью грядущего Христа, но со страхом и разочарованием, предчувствием крушения мира и воцарения антихриста. Как следствие, – утрата веры в русский народ и – принципиально новая тема в консервативной мысли XIX в. – утверждение, своего рода, русского антимиессианизма. Мыслитель предсказывает, что, утратив самобытность, Россия может стать во главе

всемирного разрушения, «родить антихриста»). Таким образом, одна из ключевых идей К. Леонтьева, – спасение (в частности, путем «подморозки») основанной на византийских началах самобытной русской культуры, русской государственности под натиском эгалитарного либерализма.

Творчество консервативных мыслителей 2-й половины XIX в. демонстрирует отступление от принципа христианского провиденциализма. Возведя Божественную Волю в абсолют, исследуемые мыслители принизили свободную волю индивида; им присущ жесткий детерминизм, фатализм в понимании истории. Н. Данилевский трактует Бога в духе гегелевской теории «Хитрости Мирового Разума» – как искусного политика, умело сталкивающего интересы людей. Бог по К. Леонтьеву – высшее Существо, несущее, прежде всего, страх и страдание. Во всяком случае, Образ Бога мыслителей далек от Образа милосердного Христа желающего всем спастись. Фатализм К. Леонтьева, полагаем, обусловлен его историческим пессимизмом, предчувствием апокалиптической развязки. Железная трансцендентная Воля творит историю, и противиться ей бессмысленно – так, в целом, можно обозначить мировоззрение мыслителя.

Итак, в творчестве консервативных мыслителей 2-й половины XIX в. очевидно некоторое снижение всемирного характера русского национального самосознания, русской идеи накануне драматичного XX столетия. Вместе с тем, им принадлежит огромная заслуга в утверждении государственного начала, выражающего высшую духовную идею, в условиях нарастающих центробежных тенденций в российском обществе; в отстаивании самобытного развития, как единственного пути спасения национальной культуры.

Русское национальное самосознание, русская идея вновь обретают вселенский характер в XX в. – в евразийстве, об этом идет речь в **третьем параграфе «Всемирный характер национального самосознания, русской идеи в евразийстве, как концепции культурной интеграции с Азией»**. Евразийцы усмотрели в русской революции некоторые положительные потенции для органического развития России; они были воодушевлены граидиозным социальным строительством в первые годы советской власти – отсюда их исторический оптимизм. Их творчество является возрождением в XX веке многих славянофильских тем: трактовка православия в качестве силы, преобразующей социум, идея внутренней (духовной) и внешней (социальной) активности личности. Подобно славянофилам, придавая большую роль свободной воле индивида, евразийцы трактуют историю в духе христианского провиденциализма – как соработничества Бога и человека и т.о. преодолевают фаталистические тенденции, имевшие место в консервативной мысли 2-й половины XIX в. Евразийцы явились выразителями ключевой идеи московских Любомудров – мессианское призвание русского народа по сплочению этносов на духовной основе, актуализация духа соборности в эмпирии и, в итоге, – оцерковление всей ойкумены, реализация Царства Божия. Если мировоззрению Н. Данилевского и К. Леонтьева присущи изоляционистские черты, то евразийство отличается всемирностью национального самосознания. Подобно консервативным мыслителям 2-й половины XIX в., евразийцы протестовали против восприятия европейской цивилизации в качестве «абсолютной», порицали экспансивную стратегию Запада, полагали, что

европейская культура на гибельном пути, но, в отличие от Н. Данилевского и К. Леонтьева, они оставляли за Европой шанс вернуться «к подлинным христианским истокам» и встать на «новые пути развития». В этом историческом оптимизме, проявленном, отчасти, и в отношении Запада, евразийство также близко славянофильству. Но есть и кардинальное отличие данных доктрин. Если московские любомудры утверждали славянскую идентичность русского народа, преимущественно, выступали за интеграцию с Западом, то евразийцы постулировали родство русских с туранскими этносами и явились инициаторами интегрирования России с Азией – в этом их значительный вклад в развитие национального самосознания. Евразийцы утверждали ряд преимуществ единения России с азиатскими цивилизациями. Главное же преимущество – то, что, будучи заинтересованы во взаимном культурном обогащении, Россия и Азия имеют общую цель – сохранения национальной самобытности и совместного противодействия западной космополитической экспансии. Таким образом, путь сближения России с Азией – путь взаимного культурного обмена с сохранением самобытных духовных основ, что предполагает диалектическое соединение общего и особенного. В определенном смысле, евразийство явилось силой, синтезирующей воззрения иных ранее рассмотренных консервативных направлений: с одной стороны, в евразийстве русское национальное самосознание, русская идея вновь обретают всемирный характер; с другой стороны, в данном течении нашли отражение и идея самоценности уникальных культурно-исторических типов, взгляд на Россию как на локальную цивилизацию.

В **Заключении** подведены основные итоги работы.

III. Публикации по теме диссертационного исследования

Монографии:

1. *Парилов О.В.* Роль самобытников в развитии русского самосознания. – Н. Новгород: НПА, 2001. – 8,6 п.л.
2. *Парилов О.В.* Русская идея: от Древней Руси к Новому времени. – Н. Новгород: НПА, 2005. – 14,9 п.л.

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, выпускаемых в РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук:

3. *Парилов О.В.* Послания старца Филофея и место России среди других государств // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История, политология, международные отношения. – Вып. 1. – Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2003. – 0,7 п.л.
4. *Парилов О.В.* Эсхатологический аспект социально-философской концепции старца Филофея в контексте русской духовной традиции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. Выпуск 1 (3). – Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2004. – 0,53 п.л.
5. *Шапошников Л.Е., Парилов О.В.* Категориальный статус русской национальной идеи // Вестник Московского государственного областного универси-

тета. – № 3 (14). Серия «Философские науки». Выпуск 1. – М.: Изд-во МГОУ, 2005. – 0,5/0,25 п.л.

6. *Парилов О.В., Треушников И.А.* Экономическая безопасность – экономический рост – православные ценности // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения (Вестник Нижегородской академии МВД России). – 2005. – № 5. – 0,4 / 0,2 п.л.

7. *Кузнецов А.П., Парилов О.В.* Проблемы формирования местного самоуправления сквозь призму славянофильского учения об общине // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2005. – № 3. – 0,3/0,15 п.л.

Учебные пособия:

8. *Парилов О.В., Треушников И.А.* Проблема «Запад – Восток» в русской религиозной философии XIX – начала XX века. – Н. Новгород: НЮИ МВД РФ, 1999. – 7,6/4 п.л.

9. *Парилов О.В., Треушников И.А.* Проблема «Запад – Восток» в русской религиозной философии. – Н. Новгород: НА МВД РФ, 2002. – 10,4/5,8 п.л.

Статьи в книгах, научных журналах, сборниках научных трудов:

10. *Парилов О.В.* Свобода как служение Богу // Актуальные проблемы в области гуманитарных наук: от теории к практике: внутривузовский сб. н. тр. – Вып. 2. – Н. Новгород: НЮИ МВД РФ, 1997. – 0,6 п.л.

11. *Парилов О.В.* К вопросу о возникновении старообрядческого движения // Русское православие: Вехи истории: М-лы международных VI Рождественских православных чтений. – Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1998. – 0,5 п.л.

12. *Парилов О.В.* Идея «Москва – третий Рим» в мировоззрении раннего раскола // Отечественная философия: русская, российская, всемирная: Материалы V Российского симпозиума историков русской философии. – Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1998. – 0,2 п.л.

13. *Парилов О.В.* Роль славянофильского мировоззрения в формировании нравственной сферы курсантов специализированных учебных заведений // Борьба с коррупцией в России. Возможности и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Н. Новгород: Нижегородский филиал СГИ, 1999. – 0,4 п.л.

14. *Парилов О.В., Треушников И.А.* «Запад» и «Восток» в современной духовной жизни русского народа // Духовный мир человека: проблемы и перспективы: Тезисы докладов Региональной научной конференции. – Н. Новгород: НКИ, 2000. – 0,3/ 0,15 п.л.

15. *Парилов О.В.* Роль некоторых аспектов учения славянофилов в формировании мировоззренческих основ студентов высшей школы // Православие и проблемы воспитания: М-лы VII международных рождественских православно-философских чтений. – Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2000. – 0,4 п.л.

16. *Парилов О.В.* Протопоп Аввакум и Алексей Хомяков о сущности Церкви // Рождественский свет: Ученые записки Волго-Вятского отделения МСА. – Н.

Новгород, 2000. – 0,5 п.л.

17. *Парилов О.В.* К вопросу о богословских и религиозно-философских традициях в постижении истины // Актуальные проблемы в области гуманитарных наук: от теории к практике: Внутривузовский сб. н. тр. – Вып. 3. – Н. Новгород: НА МВД РФ, 2001. – 0,8 п.л.

18. *Парилов О.В.* Принципы православной общинности А.С. Хомякова и нынешнее демократическое правление // Церковь и общество на пороге 3-го тысячелетия: М-лы X международных рождественских православно-философских чтений. – Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2001. – 0,5 п.л.

19. *Парилов О.В., Треушников И.А.* Конфликт Цивилизаций и путь России // Единство и этнокультурное разнообразие мира. Диалог мировоззрений: М-лы VI международного симпозиума. – Н. Новгород: ВВАГС, 2001. – 0,33/ 0,2 п.л.

20. *Парилов О.В., Треушников И.А.* Современный конфликт цивилизаций и метаморфозы общественного сознания // Сб. н. тр. Межвузовской научно-практической конференции «Общественные конфликты и личность». – Н. Новгород: Нижегородский филиал МГЭИ, 2001. – 0,3/ 0,15 п.л.

21. *Парилов О.В., Треушников И.А.* Свободомыслие в истории православия // Свободомыслие и право: М-лы V городской научно-практической конференции «А.Д. Сахаров – выдающийся ученый и мыслитель XX века». – Вып. 4. – Н. Новгород, 2002. – 0,3/ 0,15 п.л.

22. *Парилов О.В.* Протопоп Аввакум Петров и свобода личности // Философские проблемы человека и общества: Учебное пособие / Сост. и авт. коммент. *О.В. Парилов.* – Н. Новгород: НПА, 2002. – 0,1 п.л.

23. *Парилов О.В.* К вопросу о защите ранним старообрядчеством национальных духовных ценностей // Актуальные проблемы в области гуманитарных наук: от теории к практике: Внутривузовский сб. статей. – Вып. 4. – Н. Новгород: НА МВД РФ, 2003. – 0,5 п.л.

24. *Парилов О.В.* К вопросу об идеологеме «Москва – третий Рим» как первом концептуальном выражении Русской идеи // Православная духовность в прошлом и настоящем: XII международные Рождественские православно-философские чтения. – Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2003. – 0,3 п.л.

25. *Парилов О.В.* Русская идея: истины и заблуждения // Истина и заблуждение. Диалог мировоззрений: М-лы VII Международного научно-богословского симпозиума. – Н. Новгород: ВВАГС, 2003. – 0,4 п.л.

26. *Парилов О.В.* Творчество А.С. Хомякова и современность: заключит. статья (1 п.л.) // А.С. Хомяков. Избранные статьи и письма / Общ. ред., сост., подгот. текста, коммент. *Л.Е. Шапошников, О.В. Парилов, И.А. Треушников.* – М.: Изд. дом «Городец», 2004. – 30 п.л.

27. *Парилов О.В.* К вопросу о нравственном компоненте современного российского образования, в контексте русской духовной традиции // Пути повышения эффективности обучения и воспитания студентов-юристов: М-лы научно-практической конференции. – Н. Новгород: НПА, 2004. – 0,3 п.л.

28. *Парилов О.В.* Православная этика как фундамент развития промышлен-

ности и предпринимательства // Российская система ценностей. XIV Рождественские православно-философские чтения. – Н. Новгород: Нижегород. гуманитарный центр, 2005. – 0,4 п.л.

29. *Парилов О.В.* Философский подход к консерватизму // Рождественский свет: Ученые записки Волго-Вятского отделения МСА. Вып. 16. – Н. Новгород, 2005. – 0,2 п.л.

30. *Шапошников Л.Е., Парилов О.В.* Модернизация российского образования и специфика отечественной духовной традиции // Педагогическое обозрение. Научно-методический и информационный журнал. – Н. Новгород: Министерство образования и науки Нижегород. обл., Нижегородский институт развития образования. – 2005. – № 3. – 0,7/0,35 п.л.

31. *Парилов О.В.* Мировоззренческие аспекты старообрядческого предпринимательства (XVIII – XIX вв.) // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24-28 мая 2005 г.): В 5 т. – Т. 2. – М., 2005. – 0,1 п.л.

Усл. печ. л. 1,98. Заказ 21. Тираж 100 экз.

